

Таким образом, анекдоты позволяют выявить аксиологические доминанты типажа через декодирование его поведенческих реакций, проявляющихся в многообразных формах взаимодействия с клиентом и маргиналом педагогического дискурса, а также с другим агентом, состоящим в линейной или вертикальной связи. Лингвокультурному типуажу «школьная учительница» присущи следующие характеристики: преданность профессии, бескорыстная самоотдача, предпочтение учебных занятий воспитательной работе, скрупулезное выполнение предписаний, которые возведены в жанре анекдота в абсолют и подвергнуты осмеянию; а также профессиональная многофункциональность на фоне низкого материального достатка и социальной незащищенности. Негативной оценке подлежат и традиционно осуждаемые в русской лингвокультуре явления: слепая дисциплинированность, проявление формализма в подходе к делу, склонность к самоуправству, превышение полномочий, неоправданный карьерный рост, профессиональная деформация, взяточничество, незнание предмета, детской психологии, методики преподавания.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/rable.html>, свободный – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Закон РФ «Об образовании». – Режим доступа: http://ozpp.ru/zknd/obra/obra_3739.html, свободный – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Правила поведения обучающихся школы. – Режим доступа: <http://smvschool.samtel.ru/poveden.htm>, свободный – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Правила поведения обучающихся муниципального учреждения средней общеобразовательной школы № 32 «Ассоциированная школа ЮНЕСКО «Эврика-развитие» г. Волжского Волгоградской области. – Режим доступа: <http://school32-volzhsky.narod.ru/povedeniy.htm>, свободный – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов : дис. ... канд. филол. наук / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 1999. – 174 с.
7. Устав школы. – Режим доступа: <http://schools.keldysh.ru/sch1275/ustav.htm>, свободный – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

ЗВУКОВЫЕ ЗАКОНЫ В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК РАЗДЕЛА ГЕРМАНИСТИКИ

И.М. Рахимбирдиева

Данная статья посвящена проблеме определения роли немецкого языка в германистике, а также в становлении лингвистики как науки. Автор утверждает, что звуковые законы являются характерной особенностью немецкого языка, тем самым выделяя его среди прочих германских языков и германские языки – среди прочих индоевропейских языков.

This article is devoted to the problem of definition of the role of the German language in Germanic studies and also in turning linguistics into science. The author states that the sound laws are the main features of the German language, thus distinguishing it from other Germanic languages, and Germanic languages – from other Indo-European languages.

Ключевые слова: германистика, немецкий, сравнительно-исторический метод, закон Гримма, звуковые законы.

Key words: Germanic studies, the German language, comparative historical method, Grimm's law, sound laws.

Принято думать, что проблема звуковых законов едва ли может считаться сегодня актуальной, поскольку понятие «звуковой закон» широко обсуждалось на рубеже XIX–XX вв.: с одной стороны, данные законы ревностно защищались младограмматиками, с другой стороны, остро критиковались представителями других школ и течений. Со временем они потеряли такую значимость и перестали быть объектом дис-

куссий. Многие лингвисты считают, что по данной теме сказано много, и больше нечего добавить. Несмотря на потерю актуальности, проблема звуковых законов не была решена. Вследствие обновления науки актуальной является проблема понятия научного закона, и в этом контексте звуковые законы обретают новую актуальность.

В данном исследовании мы попытались определить роль звуковых законов в истории немецкого языка и роль немецкого языка в становлении сравнительно-исторического языкознания. Звуковые законы сыграли важную роль в становлении научного языкознания.

Языкознание XIX в. начало формироваться в отдельную науку раньше всего в Германии. Следует отметить, что немецкие лингвисты были впереди как по количеству работающих в этой области сотрудников, так и по количеству полученных результатов. Как сказал Бодуэн де Куртене, «Германия была центром умственного движения в области языкознания» [2, с. 15].

Современная лингвистика как наука родилась на почве исследования германских и романских языков при помощи сравнительно-исторического метода в XIX в. Особый вклад в становление данного метода внесли такие выдающиеся ученые, как Франц Бопп, Рasmus Кристиан Раск, Якоб Гримм. Следует отметить и таких известных языковедов XIX в., как А.Ф. Потт, Г. Курциус, А. Кун, Т. Бенфей, А. Шлейхер, И. Шмидт и др. В конце XIX в. зарождается новое течение в лингвистике, именуемое младограмматизмом, которое появилось благодаря таким немецким ученым, как А. Лескин, Г. Пауль, Б. Дельбрюк, Г. Остгоф, К. Бругман и др. Соответственно, самым изучаемым германским языком в XIX в. был немецкий язык.

Существенным свойством немецкого языка является то, что он в большей мере, чем другие германские языки, подвержен действию звуковых законов. Германские языки, в свою очередь, характеризуются звуковыми законами в большей мере, чем другие индоевропейские языки. При сравнительно-исторической характеристике романских языков «фонетический закон» может упоминаться как традиционное для таких описаний понятие, но оно не играет существенной роли в романистике. Так, во «Введении в романскую филологию» понятие «фонетического закона» определяется следующим образом: «"фонетический закон" – термин условный. Он относится только к результатам регулярных изменений звуков в данном языке. В период протекания самого изменения можно говорить лишь о тенденции развития, которое может сочетаться с другими, иногда противоположными тенденциями. Тогда языковая норма фиксирует результаты действия "закона", остановившегося на полпути» [1, с. 141–142].

Для романских языков фонетические законы не имеют такого принципиального значения, как для германских языков. При этом, как отмечал Ф. де Соссюр, романисты, как и германисты, находились в условиях гораздо более благоприятных, чем индоевропейцы, им был известен латинский язык – прототип романских языков, и обилие памятников позволяло им детально проследить эволюцию отдельных романских языков. Оба эти обстоятельства ограничивали область гипотетических построений и придавали всем исследованиям романистики в высшей степени конкретный характер. Германисты находились в аналогичном положении; правда, прагерманский язык непосредственно неизвестен, но зато история происходящих от него языков может быть прослежена на материале многочисленных памятников на протяжении ряда столетий. «Поэтому германисты, как более близкие к реальности, и пришли к взглядам, отличным от взглядов первых индоевропейцев» [4, с. 43]. При одинаковой доступности обширного материала по германским и романским языкам именно для истории германских языков понятие звукового закона стало их обязательным определением.

Я. Гримм как основоположник германистики сформулировал первое передвижение согласных, которое вошло в историю языкознания как закон Гримма. Его представления о таком законе основывались на наблюдении тройного единства:

✓ второе или верхненемецкое передвижение согласных аналогично в общих чертах первому или общегерманскому передвижению согласных;

✓ одна и та же общая формула применима к различным типам согласных, будь то губные, зубные или гуттуральные;

✓ передвижение свидетельствует о твердой последовательности основных форм, базирующейся на разделении согласных на три класса: звонкие (*media*), глухие (*tenuis*), придыхательные (*aspirata*).

Как видно, закон Гримма представляет собой не только ряд наблюдений над изменениями согласных, получившихся в результате первого германского передвижения, но весьма цельную теорию отношений между определенными изменениями согласных, происходящими, как правило, во взаимодействии. Так, ученый, предположив для греч. $\phi \theta \chi$ современное произношение, идентифицировал их с общегерманскими $f \þ \csc$ и представил все развитие как круговорот, который выглядит следующим образом: глухие согласные $p t k$ (*tenuis*) переходят в придыхательные согласные $\phi \theta \chi$ / $f \þ \csc$ (*aspirata*), в свою очередь, $\phi \theta \chi$ / $f \þ \csc$ (*aspirata*) переходят в звонкие согласные $b d g$ (*media*), а $b d g$ (*media*) переходят в $p t k$ (*tenuis*) [5, S. 498–505], например:

✓ $p > f$: * $p\acute{e}t\acute{e}r$ – гот. *fadar*, др. сканд. *faþer*, др. сакс. *fadar*, др. в.-нем. *fater* «отец»;

✓ $t > þ$: * $treies$ – гот. *þreis*, др. сканд. *þrig*, др. сакс. *thrie*, др. в.-нем. *dri* «три»;

✓ $k > \csc$: * $k\acute{e}n$ / $k\acute{o}n$ – гот. *hana*, др. сканд. *hane*, др. сакс., др. в.-нем. *hano* «пегух»;

✓ $kw > h$: * $sekw$ – гот. *sailvan*, др. сканд. *si\acute{a}*, др. англ. *s\acute{e}on*, др. в.-нем. *sehan* «видеть»;

✓ $\phi = bh > b$: * $bher$ – гот. *bairan*, др. сканд. *bera*, др. в.-нем. *beran* «нести»;

✓ $\theta = dh > d$: * dhe – гот. *ga-deþs*, др. сканд. *d\acute{a}þ*, др. сакс. *d\acute{a}d* «деяние»;

✓ $\chi = gh > g$: * $ghosti$ – гот. *gasts*, др. сканд. *gestr*, др. в.-нем. *gast* «гость»;

✓ $\csc w = ghw > gw$: * $ghwntj\acute{a}$ «убийство» – др. сканд. *gunnr*, др. в.-нем. *gund* «борьба»;

✓ $b > p$: и-е $sk\acute{a}b$ / $sk\acute{a}b$, лат. *scab\acute{o} – гот. *skarþan*, др. сканд. *skape*, др. англ. *scierpan*, др. в.-нем. *scepfen* «создавать»;*

✓ $d > t$: и-е $dekm$, лат. *decem* – гот. *taihun*, др. сканд. *t\acute{i}ð*, др. англ. *t\acute{i}en*, др. сакс. *tehan*, др. в.-нем. *zehan* «десять»;

✓ $g > k$: и-е aug -, лат. *auge\acute{o} – гот. *aukan*, др. сканд. *auka*, др. сакс. *\acute{o}kian*, др. в.-нем. *ouhþon* «увеличивать(-ся)»;*

✓ $gw > kw$: и-е $gwem$ -, лат. *veni\acute{o} – гот. *qiman*, др. сканд. *koma*, др. англ. *cuman*, др. сакс. *kuman*, др. в.-нем. *koman* «приходить» (примеры взяты из книги Э. Прокоша «Сравнительная грамматика германских языков» [3, с. 50–61]).*

Важно, что данный «закон» характеризует германские языки в их «германскости», немецкий – в его «немецкости» как исключительной «германскости».

В то время много говорили о национальном характере языков и культур. Я. Гримм еще считал, что аблаут – выдающееся свойство германского/немецкого языка и духа. Но есть важное отличие перегласовки в рядах аблаута от передвижения согласных: аблаут – это факт эмпирический, мы просто видим его как факт, когда приняли схему «основных форм глагола», и нам не надо сопоставлять разные языки, чтобы обнаружить аблаут. Передвижение согласных – это результат сложной теоретической работы на основе сравнения разных языков и диалектов в разные периоды их эволюции. Передвижение согласных нельзя наблюдать, его надо понять как научное утверждение, которое оправдывает себя в интерпретации на разнородном материале. Оно после этого ставит нас перед новыми проблемами, когда мы обнаруживаем пробелы в системе корреляций. Здесь наблюдатель бессилен, здесь именно теоретик должен перевести трудность в проблему, а проблему – в набор решаемых задач, и тогда появляются «закон Вернера» и «закон Грассмана». Тот очевидный факт, что на материале германских языков эта работа в теоретическом отношении более содержательна, чем такая же работа на материале романских языков, характеризует германские языки в их особенности. Характерология немецкого языка как исторического объекта всегда будет содержать как эмпирические определения германского аблаута, так и теоретические определения передвижения согласных. Это не значит, что немецкий язык более совершенный, и потому более законосообразный, чем, например, испанский; это значит, что он другой по характеру.

Таким образом, разные фонетические законы в диахронической лингвистике оправдывают выражение «закон принадлежит объективной действительности» в разной мере.

Закон передвижения согласных является в высшей степени удачным обобщением в исторической фонетике германских языков, а его расширение вторым передвижением в верхненемецком языке существенно дополняет исторический образ немецкого языка как (в этом специальном аспекте) «наиболее германского из всех германских».

Список литературы

1. Алисова Т. Б. Введение в романскую филологию / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. – М. : Высшая школа, 1987. – 344 с.
2. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртене. – М., 1963. – Т. 2. – 392 с.
3. Прокопш Э. Сравнительная грамматика германских языков / Э. Прокопш. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1954. – 380 с.
4. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.
5. Grimm J. Deutsche Grammatik / J. Grimm. – Göttingen, 1819. – Bd. 1. – 507 S.

УЧЕБНОЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ АЛГОРИТМОВ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Е.И. Роголёва

В статье рассматриваются вопросы конструирования алгоритмов этимологизации фразеологизма в учебном словаре с использованием коммуникативных ходов. Приводятся авторские примеры лексикографической интерпретации различных нюансов процесса фразеологизации.

Issues of the constructing algorithms of etymologization of a phraseological unit in the educational dictionary with the usage of the communicative acts are observed in the article. The author's examples of the lexicographic interpretation of various nuances in the process of phrase formation are given in the article.

Ключевые слова: учебная фразеография, словарная статья, этимологический комментарий, фразеологический образ, алгоритм этимологизации, коммуникативный ход.

Key words: educational phraseography, entry, etymological comment, phraseological image, algorithm of etymologization, communicative act.

Несовершенство этимологических комментариев в детских фразеологических словарях [4; 5; 20; 22; 25], убеждает нас в том, что разработка этимологического параметра требует специальных исследований в области учебной фразеографии для начальной школы, ведь «составление словарей для младших школьников не может быть осуществлено без предварительной разработки психолингвистической и лексикографической методик» [17, с. 35]. При этом является принципиальным отражение современных достижений теории фразеологии и фразеографии при этимологизации ФЕ в учебных целях, ведь «развитие современной лексикографии характеризуется стремлением к лексикографической параметризации языковых единиц, основная идея которой заключается в возможности представления лингвистических знаний любого рода в виде лексикографических параметров, способных отразить не только существенные признаки самого объекта, но и научные знания об объекте» [7, с. 24].

В свою очередь, фактор адресата (младший школьник) не позволяет нам использовать для учебного фразеологического конструирования современные способы этимологизации фразеологизма, реализованные в словарях, ориентированных на взрослую аудиторию. Речь идет о метаязыке словарного описания внутренней формы фразеологизма [2, с. 164] и лексикографическом воплощении интерпретационной модели значения фразеологизмов [9; 24].

Возможность расширения поиска новых путей разработки этимологического параметра предоставляет автору прикладной характер учебного словаря. Об этом пишут А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский: «Рассмотрение словарной деятельности в рамках прикладной лингвистики дает индульгенцию лексикографам на более сво-